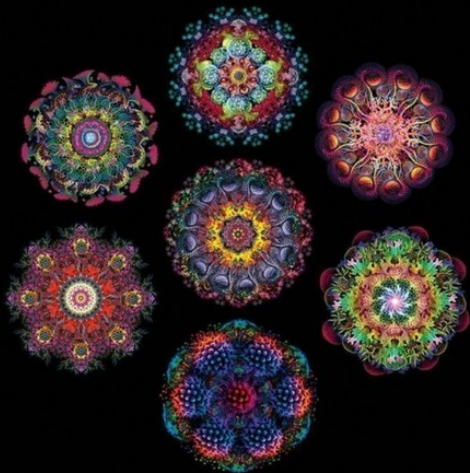

МАКСИМ МЕЙСТЕР

ЛУЧШЕЕ И ЛЮБИМОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 11

Максим Мейстер
Лучшее и любимое
Серия «Максим Мейстер.
Собрание сочинений», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070121

ISBN 978-5-4474-4667-3

Аннотация

У каждого автора есть любимые произведения. Иногда они же и лучшие. Но не всегда. В этот том собрания сочинений Максима Мейстера включены рассказы, которые сам автор считает лучшими и любимыми и которые не входят в другие сборники. Рассказы очень разные, начиная от сложных «Реальной нереальности» или «Неспетой песни», которые автор считает жемчужинами своего творчества, и заканчивая «Марсианскими заметками», простым до предела рассказом-шуткой, включенным в любимое по сугубо личным причинам.

Содержание

Моя простая философия	5
Нет, не было и не будет	11
Инопланетяне	23
Свет тьмы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Лучшее и любимое
Собрание
сочинений, том 11
Максим Мейстер**

© Максим Мейстер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя простая философия

Мне хочется написать книжку, прочитав которую каждый вдруг почувствует облегчение и понимание: да, вот именно так и надо правильно жить. Наверное, любой писатель о чем-то подобном мечтает. Или философ. Только недолго. Писатель совсем недолго, а философ тешится этой иллюзией иногда всю жизнь, пока она не превращается в какую-то другую. Я – писатель-философ, поэтому, как писатель, давно уже понял, что книгами людям не поможешь, но как философ – где-то тайком в глубине души верю, что «писать ради блага всех людей» не совсем бессмысленно.

Говорят, ни одна даже самая умная книга не позволяет человеку не повторять одни и те же ошибки. Говорят, что ни одна книга не сделала кого-то лучше. Люди читают, чтобы увидеть себя в прочитанном. Поэтому, если кто-то радуется миру своими хорошими качествами, то это не от того, что этот кто-то читает такие правильные и хорошие книги, которые дали ему эти качества, а, наоборот, он читает такие хорошие и правильные книги, потому что у него эти качества уже были, и человек просто видит их подтверждение во внешнем мире («в книгах других людей») и убеждается в правильности своих качеств и своего отношения к миру и жизни. Точно так же и дурные люди...

«Наверное, так и есть», – говорит писатель во мне и в тос-

ке не берется больше писать. Потому что незачем. Все уже написано, а писательство само по себе мне не интересно, я не люблю писать. Развлекать не хочу, а навязывать свои мысли и идеалы – противно. Нет ничего противнее тех писателей и философов, что превратили свою жизнь в идеологию, которую пытаются запихнуть «массам». Писать истории как способ зарабатывать? Может быть, но зарабатывать, как оказалось, гораздо проще другими способами.

Почему же я каждое утро встаю и с тоской думаю о ненаписанных книгах. Они сидят во мне и тихо зудят. Но так тихо, что уходят еще до завтрака. А я сажусь за компьютер и делаю какие-то проекты, програмлю какие-то сайты и изучаю сео-оптимизацию.

А та книжка, которую я хотел написать всегда?.. У нее даже название есть «Книга утешения». Этому названию уже столько лет, а книга внутри еле шевелится. Потому что нет смысла ни в каких книгах.

Но я все равно ее напишу. Потому что есть название, потому что я его произнес. Смысл он ведь не в пользе или бесполезности. Смысл часто в невозможности поступить иначе. А иногда – в поступке вопреки невозможности...

Но это потом. А сейчас, на рассвете, когда небо за окном медленно светлеет, мне захотелось написать о том, зачем жить. Нет, не сразу всю большую книжку с «моей философией», а несколько строк. Символ веры это называется,

что ли? Написать в двух абзацах о жизни так, словно объясняешь ребенку.

Мой дорогой мальчик, моя дорогая девочка! Я верю, что человек не может жить без смысла. Он ему нужен, как нужен телу воздух. Смысл, а точнее ощущение бессмысленности для души так же важно, как воздух для тела. Душа начинает задыхаться и костенеть, когда не верит в осмысленность и значимость своего существования. Значит, даже если жизнь бессмысленна, смысл должен быть.

Я верю, что если мир – это просто безумие случайностей и форма существования белковых тел, то лучше человеку выдумать прекрасную сказку и верить в нее, жить в ней. И пусть такая религия будет красивой и прекрасной. Религия никогда не должна превращаться в идеологию. И пусть такую красивую религию выдумают счастливые, чистые и бескорыстные люди. Потому что когда религии выдумывают озлобленные и жестокие, то получаются уродства: костры инквизиций, концлагеря, войны за веру и взорванные самолеты.

Я верю, что если Бога нет, а жизнь и разум – это безумие случайностей и непрерывная трансформация ожившей материи, то лучше такой жизни как можно быстрее перестать быть, потому что основа жизни – непрерывное страдание в той или иной форме. А счастье – просто небольшой перерыв между этими страданиями. Перерыв, в который можно

забыться. Нет ничего печальнее такого счастья «восставшего из небытия белка».

И я верю, что лучшее, что может придумать человек, которому суждено появиться в таком мире взбесившегося белка – это относиться с состраданиям к остальным. Все вокруг достойны сострадания и утешения. Даже если человек что-то мнит из себя, даже если он достиг тех или иных вершин этого мира, нет более подходящего и необходимого чувства по отношению к нему, чем сострадание. В мире, где есть рождение, болезни, страдания, разлуки и смерть – завидовать некому.

В мире, где нет Бога, каждый должен стать самым лучшим Богом для того мира, который он может утешить. Даже если в этом мире будет жить всего несколько человек. Даже если всего один человек...

Я верю, что смысл жизни в бессмысленном мире – это помочь друг другу как можно чище, светлее и безболезненнее пережить воплощение в теле из тлена. Без злобы и обиды, без зависти и страха, без гнева и безумия, без вожделения и алчности. Да, на всех ручек не хватит, но насколько уж хватит. И очень важно, чтобы наши руки помощи никогда не превращались в оковы. Насилие «любовью» – одна из худших форм насилия.

Смысл жизни в бессмысленном мире – это создавать осмысленный мир, пока есть силы. Так же как для утопающего в мире океанов *без суши* – смысл в том, чтобы сделать

плот, построить на нем хижину и принять на борт столько жаждущих, скольких может унести плот.

Дорогой друг! Если же Бог есть, а этот мир – его часть. И мы – его частички, заблудившиеся в мире материи, то смысл жизни не в религиях и не в аскезах, не в медитациях и психоделических путешествиях, мистических силах или иступленной «любви к Богу», а в том, чтобы быть утешением для тех, кого Бог посылает нам в этой жизни. Не отвергать и не жаждать, не гоняться и не отталкивать. Принимать то, что Он посылает. Со спокойной преданностью, без иступленной жажды, которая часто перерастает в безумие. Ведь этот мир – Его. И я – Его. Я в мире, который утешает сам Бог, и я – живу в Его мире. У меня нет причин для страха или зависти, злобы или гнева, жадности или вожделения. Все это – просто испытания мира материи. И смысл жизни в мире с Богом – просто как можно чище, светлее, ярче и безболезненнее пережить воплощение в теле из тлена и помочь состраданием и участием тем, с кем довелось встретиться в жизни. Конечно, ручек на многих не хватит. Но есть муж или жена. Есть дети и родители. Хотя бы на семью должно хватить даже самого беспомощного сердца. А если нет, то вот вам и смысл – выгоните собак вожделения, гнева, зависти и жадности, которые живут в вашем сердце, и пустите туда людей, которые нуждаются в любви и утешении. Тех людей, которых вам послал Бог. А это всегда именно те люди,

которые вокруг вас. Ведь нет случайностей в мире, который создал Он.

Я верю, что смысл жизни в мире с Богом – это прожить жизнь с любовью и состраданием ко всем, кого нам пошлет Господь, а затем, взять их всех с собой из океана материи на берег, к Богу, где для каждого Он приготовил вечный и уже заранее родной Дом, маленький уютный Домик для душ, которые стали родными друг другу в безумном океане, в хлипком шалашике на вечно качающемся плоте.

04 октября 2009

Нет, не было и не будет

«...Уже тогда, в детстве, я хотел разрушить мир... Нет, не совсем. Я хотел, чтобы ничего не было... Тоже не то. Ах да, я хотел, чтобы не было нас, людей. Пусть мир существует, пусть солнце восходит по утрам, а вечером пусть закат украшает небо. Пусть травы цветут и шумят деревья... И летают пчелы, а под луной – светлячки... И пусть остаются даже животные, но... Лишь бы нас, людей, не было. Нас, с этим проклятым разумом, который спрашивает «зачем?», «зачем?!» и «зачем!!!»... Разумом, который видит и понимает жестокость и боль, умеет бояться и ненавидеть, созидать и разрушать, но самое главное – спрашивать. Спрашивать о смысле и ощущать бессмысленность всего, что заканчивается смертью...»

Закончилась страница. Я отложил палочку с чернилами и наложил хорошее заклинание с длинным кодовым словом. Текст замерцал, а потом исчез, а страница покрылась едва заметной сеточкой-паутинкой. У меня в дневнике уже довольно много таких страниц. Даже воин высшей ступени не догадается, что это не просто чистый лист в книжице для записей, а спрятанный текст. Только грамотный маг распознает тип заклинания, но даже он, не зная слова-кода, не сможет высветить скрытое.

Я перевернул страницу и снова взялся за палочку.

Но больше не писалось. Ум отправился в детство. Так много картин проносится... Как жаль, что записать можно лишь малую толику...

Я учился в школе для воинов. Да не в простой, а в привилегированной, для старших сыновей кланов. Всем нам было предназначено стать вождями деревень, как и наши отцы. Это, как минимум. Самые лучшие же после учебы отправлялись в город. С большими шансами стать правителями.

Вначале учился плохо. До сих пор помню вялые поединки в поле, на пахучей свежескошенной траве. Я был крепкий, мощный, в отца, а мне ставили самых слабых соперников, и получалось, будто на равных. Я лениво махал мечом, лениво боролся... Мой учитель-тренер злился, говоря: «Ты не воин! Ты не сражаешься, а *занимаешься!* Чуешь разницу?! Воин должен даже в учебе **СРАЖАТЬСЯ!** А мне кажется, ты все делаешь только, чтобы от тебя отстали!..» Думаю, он был не далек от истины.

Зато учитель-маг, который следил за умственным и нравственным развитием будущих вождей, души во мне не чаял. Когда остальные ученики только и думали, как бы убежать от мудреных лекций, чтобы пострелять из лука и побороться, я по собственной воле оставался в классе и выполнял дополнительные задания. А свободное время просиживал в библиотеке...

Да, Экарши Дев... Мой первый учитель. До сих пор отчетливо вижу это удивительное лицо. Добрые и одновремен-

но хитрые глаза, улыбка, которую было почти не разглядеть в бороде, но которая все равно всегда ощущалась... Наверное, с него все началось. Надо записать.

«В детстве я тоже вел дневник. Прятал среди тетрадей и книг. Не помню, что в нем было. Помню только те страницы, где писал о справедливости...

Однажды нам задали написать эссе «Как я понимаю справедливость». И я написал. К тому времени я уже перечитал столько книг, сколько не прочитали все остальные ученики вместе взятые. Кроме того, я тайком таскал книги у Экарши. Если бы кто-то узнал, то меня выгнали бы из школы. А если бы узнали, что я не просто тайком брал чужое!..

Я читал книги, которые нельзя было читать воинам. Понимал мало, но вполне достаточно, чтобы убедиться – в них тоже нет ответа...

Одним словом, в эссе я написал, что этот мир сам по себе несправедлив. Поэтому единственная справедливость, которую я вижу, – это уничтожить его. Написал, что если и можно что-то назвать несправедливостью, то это – человеческая жизнь: безумное начало, тоскливая середина и бессмысленный, обесценивающий все, конец...

Эссе получилось от души. Самые сокровенные мысли, которые до этого плавали в уме, словно в тумане, вдруг ясно и четко вылились на бумагу. Я перечитал и удивился. Потом вырвал страницы из тетради и спрятал в дневник. А эссе написал заново. Именно такое, какое ждали от воина, от буду-

щего вождя или правителя.

Но листы в дневнике стали жечь. Так бывает, когда кажется, будто нашел истину: «откровением» так и хочется поделиться. Моим лучшим другом в школе был... Нет, не буду называть его имени. Да, обида давно прошла, но... У нас были какие-то общие интересы, секреты, и я решил, что могу поделиться самым сокровенным. И я рассказал о том, что людей быть не должно. Что это и есть – высшая справедливость. И что я бы все отдал за это. Он посмотрел на меня удивленно и спросил: «Но ведь ты тоже человек! Или ты хочешь, чтобы исчезли все люди, кроме тебя?!» Я с досадой объяснил, что готов сию минуту расстаться с жизнью, если вместе со мной исчезнут и все люди в мире! Он обозвал меня «придурком» и убежал. А через пару дней пропал дневник. А еще через день меня вызвал к себе Экарши Дев. Был вечер. В комнате – полумрак. И только на столе несколько свечей. Я вошел и замер. Маг сидел за столом и листал мой дневник, словно ничего не замечая...

Экарши, конечно, не сказал, от кого получил мои записки, но это было ясно и так. Теперь я понимаю, что мой товарищ поступил правильно с точки зрения той морали, которую нам прививали. Можно сказать, даже по-дружески: «мол, у приятеля что-то с головой не в порядке, надо помочь, пока не поздно...»

Снова закончилась страница. Я привычно наложил заклятие, полюбовался на сеточку и вдруг рассмеялся. Забавно,

что я по-прежнему закрываю странички, хотя в этом уже нет смысла. Ведь я всего в одном шаге от цели...

Впрочем, осторожность не помешает. Наверняка, если мои ребята узнают, что я задумал, то... Без головы будет неудобно... А ведь они искренне думают, что следующая эпоха будет эпохой воинов...

Все равно забавно. Скрывать детские воспоминания в дневнике, суть которого легко читается прямо на обложке, в серебряном тиснении: «Нет, не было и не будет»... Впрочем, видеть суть и читать между строк умеют только маги, а их почти не осталось.

«Я стоял в комнате наставника и готовился к худшему. Кулаки невольно сжались, глаза покраснели от гнева. Я уже представлял, как отколочу приятеля. Но пока надо было выдержать гнев мага, а это не просто, особенно если он решит использовать духовную силу. Хотелось расплакаться, но от этого желания я только сильнее напрягся, превратившись в скрученный комок нервов, готовый сражаться...

Экарши медленно поднял взгляд, и я вдруг понял, что не смогу сопротивляться, и меня сейчас размажут по стенке... Но учитель вдруг улыбнулся.

– Ты хорошо пишешь, сынок, – сказал он. – Подойди, возьми.

Он протянул мне дневник, и я, словно, притянутый веревкой, сделал несколько шагов.

– Твои мысли не похожи на мысли воина, – продолжал

Экарши. Его голос был тих, спокоен и доброжелателен. Я расслабился. Сердце забилося как сумасшедшее.

– Меня выгонят? – пробормотал я и невольно шмыгнул носом, но тут же снова сжался.

– Твой дневник – это метания молодого мага, – задумчиво сказал учитель. – Иногда бывает, что в семье мага рождается воин. Но бывает и наоборот, в семье воина – рождается маг. Гораздо реже, но такое случается... Надо проверить... Подойди ближе.

Я подошел к самому столу и первым делом схватил дневник.

– Видишь свечу? Погаси ее... не касаясь...

Не долго думая, я дунул. Свеча погасла, а Экарши рассмеялся.

– Не так! Впрочем, хорошо. А теперь зажги. Не касаясь.

– Это невозможно.

– Разве? – он посмотрел на свечу, и она тут же снова загорелась. – Попробуй снова погасить, но не дуя и не касаясь. Силой воли. Мыслью. Только сначала запомни: пламя свечи – это отраженный свет твоего ума. Погасишь ту частичку ума, благодаря которой горит свеча, погаснет и сама свеча.

Я читал в магических книгах о том, что магия – это всего лишь усиленная мысль, поэтому слова учителя теоретически были понятны, но вот как применить это книжное знание на практике?.. Я сосредоточился на пламени. Вскоре, от напряжения на лбу выступил пот, но огонь и не думал гаснуть.

– Не получается!

– Хм... – Экарши несколько раз погасил и зажег свечу, словно говоря: «Это же так просто!»

Я еще раз попробовал. Безрезультатно.

– Хорошо, иди, я еще подумаю на твой счет...

Я выскочил, по-детски радуясь, что так легко отделался.

Теперь я знаю, что тест со свечей проводят с малышами магов, чтобы убедиться в их силе и принадлежности к касте: гасить огонь дети магов учатся еще до того, как сделают первые шаги.

Экарши не отступился. Он понимал, что дело не в свече. В обряде первого огня, отпрыска высшей касты просто подвешивают над свечой, которая магически растет. Так что для малыша-мага погасить огонь – жизненная необходимость, а для меня – просто забавное упражнение, в успех которого я к тому же не верил. И наш старый наставник придумал...»

Я перевернул страницу, хотел продолжать, но вдруг снова рассмеялся. Как глупо продолжать писать, когда через день, а может и час, не останется никого, кто смог бы это прочитать! Каждый пишущий, даже автор самого личного дневника, втайне мечтает о читателях-потомках. Но потомков не будет...

Автоматически наложив заклятие на страничку, я крупно вывел на следующей: «КОНЕЦ». Захлопнул дневник и показным жестом бросил в кусты. Подумал. Наклонился, поднял и с усмешкой сунул в кожаную сумку...

Я чувствовал, что вскоре откроется портал.

Но воспоминания не отпускали. Словно что-то внутри ощутило – конец близок, и вся жизнь стала проплывать...

Как-то Экарши подозвал меня и попросил показать дневник. Я нехотя достал.

– Ты больше не пишешь? – спросил он, листнув на последнюю заполненную страничку.

– Нет, какой смысл, если любой может стащить и прочитать?

– Я так и думал... А хочешь научиться делать вот так? – наставник провел рукой по странице, и та покрылась сеточкой.

– Ой! – я испуганно стал тереть бумагу. – А где буквы?!

– Да вот же они! – Экарши провел снова, и строчки проявились, словно из ниоткуда.

– Хочу, очень хочу! – возбужденно воскликнул я. – Как?!

Не помню, сколько я возился, но упорство проявил немалое. Очень уж тогда разочаровался. И даже не столько в друге, сколько в самой дружбе... Желание писать тайные заметки было таким сильным, что наконец и под моей рукой стала появляться тонкая сеточка...

Экарши был в восторге.

– Ты – маг! – сказал он. – Ты по ошибке родился в роду воинов. Это очевидно. Я попробую перевести тебя в город, в школу магов. Если ты постарайся, то вскоре нагонишь остальных, и со временем станешь достойным...

Я не хотел. И отказался, вымолив у Экарши обещание никому ничего не рассказывать. Он нехотя обещал, понимая, что мой клан так просто не сдастся.

В семье я был единственным сыном. Для отца остаться без наследника было смерти подобно. К тому же я был убежден в несправедливости мира, и мне было все равно, чем заниматься. Так зачем же расстраивать родных, когда «быть воином» и «быть магом» – одинаково бессмысленно?..

Я продолжил обучение в школе вождей, а потом, спустя десяток лет, наследовал власть в своей небольшой деревеньке.

Так бы и провел жизнь, вяло выполняя бессмысленный долг в бессмысленном мире, если бы не Экарши, который однажды прислал письмо:

«То, что я расскажу, не должны знать простые люди. Но ведь ты маг, хоть и не проявленный. Через двадцать пять лет открывается портал, ведущий на Вершину Мира. Он открывается раз в эпоху. Тот, кто войдет в него, определяет мир, в котором будут жить люди в следующую эпоху. Среди нас выбирается лучший. Самый чистый и достойный. Именно он через четверть века окажется на Вершине Мира, чтобы определить дальнейшую судьбу... Все, что он скажет – сбудется...»

Я бросил все и помчался в город, в школу магов. Я учился, как одержимый! Теперь у меня была цель!..

Но вскоре понял, что Экарши – хитрец. Он знал, что у ме-

ня нет ни малейшего шанса стать тем, кто войдет в портал. Маг, определяющий судьбу следующей эпохи, давно был избран. Мой старый наставник просто хотел вернуть «заблудившегося» мага. Наверное, он забыл про мои детские рассуждения. Или не придавал им значения. Ведь для него это были всего лишь «типичные метания молодого мага». Да, став магом, я снова искал, снова пытался найти высшую справедливость и смысл, но и сейчас, спустя десятилетия, я вижу только одну высшую справедливость – мир без страданий. Мир красоты и безмятежности. А такой мир несовместим с разумом. Высшая справедливость – это мир без людей...

Когда я понял, что мне никогда не стать тем, кого пустят в портал, я решил туда прорваться. Любой ценой. Ведь я был не настоящим магом, и навыки воина очень пригодились: ведь даже самый могущественный маг становится беспомощным, когда меч отделяет его голову от туловища...

Вначале дело шло медленно, но теперь магов почти не осталось. Я поднял воинов, которым хотелось называться высшей кастой, а не быть вечно вторыми... Да, сейчас в мире нет даже спокойствия, не говоря уж о счастье, которого не было и раньше. Не знаю почему, но без магов вожди совсем распоясались и устраивают резню за резней, одна ужаснее другой. Но все это уже не важно. Потому что вскоре...

Да, я убивал друзей и учителей. Подло, из-за спины. Я забыл о долге и чести, совести и сострадании. Но все это оправдывается высшей целью. Скоро ничего не останется. И па-

мяти о том, что я сделал – тоже. И этих мучений, которые разрывают меня уже столько лет...

Потому что я стою перед древней скалой, в которой раз в эпоху открывается портал на Вершину Мира... Следующей эпохи не будет. Ничего не будет...

Вокруг, в лесах – мои соратники. Чтобы ни один маг, еще оставшийся в живых, не прорвался и не помешал мне. А сам я неотлучно жду открытия портала... И чувствую, что он вот-вот откроется...

* * *

Свет. Не солнечный. Настоящий. Тот, что есть основа мира. Теперь я понимаю, почему каждый маг желает оказаться здесь. Не для того, чтобы ощутить абсолютную власть над миром и определять судьбу – это интересно лишь воинам. Маги мечтают попасть сюда ради абсолютного понимания. И... единения с реальностью...

Меня пронизывает свет реальности, и теперь я знаю ВСЕ.

Множество миров. Наш – лишь один из многих. И это правило, что один из нас может менять мир – лишь игра для Создателя этих миров. Он может соблюдать это правило или нет. Но я знал, что он исполнит все, что я скажу. Даже если я произнесу: «Этого мира нет, не было и не будет!»

И я уже понимал, что не скажу этого. Зачем? Ведь этому правилу подчинится лишь один из многих несправедливых

миров. Какой смысл исправлять чужие ошибки? Не я создал этот мир таким, какой он есть. Пусть за него будет стыдно самому Создателю. Я же могу отвечать только за свой мир. А каким он был, МОЙ мир?..

Отравленные соратники, зарезанные учителя, предательство и зло. И еще... грустная, почти не искаженная болью, улыбка Экарши Дева, когда мой кинжал...

И только один способ все исправить...

Я поднял руки и сказал:

– Меня... не было, нет и не будет...

декабрь 2006

Инопланетяне

Почти два года не видеться и не общаться. Серьезное испытание для дружбы.

– Но, надеюсь, не смертельное... – пробормотал Тимофей и сильнее вжал голову в плечи. Ему было неуютно в этом кафе. Казалось, все смотрят именно на него, на Тимофея. И больше никуда. Но, мало того, не только смотрят, а еще и думают: «Что делает священник в этой забегаловке?»

Тимофей в десятый раз убедился, что на нем не сутана, а самые обычные брюки и свободная рубашка на выпуск.

На молодого человека с выющимися темными волосами и короткой аккуратной бородкой действительно поглядывали. Одна девушка прошла рядом и словно ненароком спросила:

– Свободно?

Тимофей замотал головой, взглядом создав такую стену, что девушка тут же ретировалась.

Людей в кафе становилось все больше. Время обеда. Запахи выпечки и кофе и без того настойчивые, казалось, стали еще сильнее. Служащие из офисов спускались перекусить. Тимофей стал пристально вглядываться в лица проходящих мужчин. Напряжение переросло в волнение.

«Спокойно, спокойно... Два года – не срок. Все будет хорошо...» – Он так увлекся переживаниями, что не заметил,

как к столику подошел плотный мужчина, постоял, а потом громко сказал:

– Тимка, ты чего сидишь, словно не узнал?!

– Андрей?! – Тимофей встал, хотел обнять, но потом неловко пожал руку.

Одновременно знакомое и незнакомое лицо. Чисто выбритые полные щеки, прищуренные глаза и странная, словно нарисованная, улыбка.

– Давно не виделись... – Тимофей смотрел на старого друга и вдруг понял, что Андрей не здесь. Глаза пустые, думает о чем-то своем, а встречей явно тяготится. Сразу расхотелось рассказывать. «Неужели два года разлуки могут быть сильнее десяти, проведенных вместе за одной партой? Десяти лет общих тайн и увлечений, общих размышлений и сомнений?.. Но кому еще рассказать? Настоятелю? Ни за что! Вернее, потом, на исповеди. А сейчас нужен дружеский совет. И совет человека, который разбирается в мирских делах...»

– Слушай, я тебя не узнал. Ты же в семинарии тощий был, как щепка! – сказал Тимофей, прогоняя неприятные мысли. «Просто друг еще не отошел от работы, сейчас поговорим, вспомним прошлое, все придет в норму...»

– Ну так на постных щах не растолстеешь, – усмехнулся Андрей, присаживаясь за столик. – Зато ты все такой же Сан-то получил?

– Да...

– Ну, значит, при случае, будет к кому на исповедь ходить...

Повисла неловкая пауза.

– А у тебя как? – кашлянул Тимофей.

– Работаю. Семья. Знаешь ведь. Недавно дочка родилась... Ты подожди, я сейчас. Что есть-пить будешь?

– Нет, спасибо, я...

– Да ладно! – Андрей ушел и вернулся с полным подносом. – Ты извини, что я тебя в кафе затащил. Просто ты так неожиданно позвонил. Конечно, можно было бы по старой памяти в церкви или у тебя там, но я же работаю, так что...

– Ничего, я понимаю. И так неудобно, что время обеда у тебя отнимаю.

– Да ладно... – снова махнул Андрей рукой и взялся за ложку. – Старый друг еде не помеха. Постриг-то не собираешься принимать? – В голосе Андрея вдруг проскользнула холодность.

– Собираюсь, – кивнул Тимофей, чувствуя себя все более неловко.

– А я вот женился. Каждому свое.

– Конечно-конечно. Отчасти поэтому к тебе и обратился.

– Да ну? И какие проблемы у безупречного Тимки?

– Андрюха, перестань, ты как не родной...

– А что, думаешь, я не понял, почему ты пропал? Как я женился после семинарии, так ты даже в гости ни разу не зашел. Я для тебя предатель?

– Да ты что?! – Тимофей широко раскрыл глаза. – Ты о чем?

– Ладно прикидываться, я же помню. Мы клятву друг другу давали, что вместе станем монахами. Вот ты и...

– Слушай, Андрюх, перестань! Нам же по пятнадцать тогда было, я и забыл об этом... Да нет, помнил, конечно, – поправился Тимофей. – Но я не из-за этого не приходил... Ты же сам тогда стал как-то ко мне... Я и подумал, что третий лишний, не стал...

– А я решил, что из-за клятвы на меня бычишься, – сказал Андрей и отложил вилку. – Слушай, не врешь?!

– Я же священник теперь, мне нельзя...

– Как тогда противно на душе было, ты бы знал! Чуть с невестой не поссорился... – взгляд Андрея заметно потеплел. – Эх! Я же совсем все забросил, живу как последний грешник. Ну, по вашим... по нашим прошлым меркам, как последний. А так, конечно, нормальный, даже примерный гражданин... Иногда с такой тоской вспоминаю о днях... Сколько раз хотел прийти, да все как-то... Слушай, расскажи, как там вообще? Данилка, Серега? Или нет, сначала расскажи, что у тебя за проблемы, – помогу, чем смогу...

– У тебя обед уж скоро кончится... – вздохнул Тимофей.

– Да плевать. Работа каждый день, а старый друг... Так что за проблема? Женщина?

– Ну почему сразу «женщина»?! – покраснел Тимофей.

– А какие еще могут быть проблемы у почти монаха? –

здорово заметил Андрей.

– Хорошо, расскажу, – вздохнул молодой священник, – только скажи сначала... Ты ведь женат?

– Ну да.

– Счастлив?

– Да как сказать... – Андрей задумался. – Конечно, есть свои проблемы, но...

– Ладно, вот скажи, твоя жена – человек?

– Женщина не птица, курица – не человек, – так же задумчиво ответил приятель, потом спохватился: – Подожди, ты в каком смысле? Давай уж, колись, что произошло. Согрешил?

– Да нет, – поморщился Тимофей. – Странная история, даже не знаю как рассказать...

– Рассказывай, как есть...

– Я сан не так давно получил. Ну, начали меня потихоньку ставить принимать исповедь. Выслушаю, грехи отпущу, да еще и посоветую что-то. Курсы по психологии у нас были – сам знаешь – очень хорошие... Так вот, служу значит. Чаше да чаще. Женщины все пожилые сначала, а тут смотрю, повадилась одна...

– Ага! – воодушевился Андрей и даже отложил кусок хлеба. – Симпатичная?

– Да при чем здесь это!.. – возмутился Тимофей.

– Как при чем? Ты же теперь священник, так что два пути: либо в монахи, либо жениться. Вот тебе Бог и посылает.

– Искушает, ты хочешь сказать?

– Да хоть как назови. Красивая?

– Нормальная, – буркнул Тимофей. – Только мне все равно. Ты же знаешь, что я не собираюсь жениться. Моя жизнь принадлежит Богу. Это дело решенное. Так ей и сказал. Честно, как на духу...

– Ого! – удивился Андрей. – Значит, речь-таки заходила?..

– Она уже на второй исповеди сказала, что я ей предназначен в мужа судьбой...

Андрей рассмеялся, но ничего говорить не стал, выразительно махая руками, мол, это я так, ничего, продолжай.

– Ну, я ей тогда и сказал про женитьбу и мое предназначение Богу, – смущенно продолжил Тимофей. – Объяснил, что это у нее просто воображение девичье, влюбленность, а не настоящее чувство. Что это так, рябь на воде, которая пройдет...

– А она?

– Серьезно так выслушала, спокойно на удивление, а потом сказала, что никакая не рябь, а знание. И что я сам все пойму, если соглашусь с ней встретиться вне церкви, и тогда она все сможет объяснить.

– А ты?

– А что я? Не понравилось мне все это, но девушка так была спокойна, уверена, так настойчиво просила, что подумал: Бог с ней, надо помочь бедняжке разобраться с заблуждени-

ем. Думал, что она может сказать такого? Объясню ошибку ее, все легче будет...

– И встретились?

– Ну да, в парке, что от церкви неподалеку. Помнишь? На скамейке посидели, не наедине даже, – все по правилам. Вокруг народ ходит: женщины с колясками, собаки с хозяевами...

– Ясно, не томи, что рассказала-то? Видно, нечто, раз меня вспомнил.

– Я тебя и не забывал, Андрей, просто...

– Ладно, ладно, проехали... Давай дальше!

– В общем, не знаю даже как начать... Она сказала, что нет у нее никакой влюбленности, а есть знание. Потому что она не человек... – Тимофей сделал паузу, но друг никак не отреагировал. – Она инопланетянка, которая на земле с определенной миссией. И она знает, что я ей предназначен в мужья.

– Что за бред? У девушки юмор такой?

– В том то и дело, что она не шутила и не разыгрывала. Я неплохо в психологии разбираюсь, так что она говорила всерьез и верила в то, что говорит!

– Больная?

– Тоже думал, но – не похоже... Короче, такие дела: за меня хочет замуж женщина-инопланетянка. Что делать? Даже если жениться, то вдруг у нее под одеждой – щупальца с присосками

– Тимка, только не обижайся, но ты, похоже, ребенком остался в своем монастыре, раз с таким серьезным выражением лица все это рассказываешь. – Андрей вдруг задумался. – Хотя щупальца – это эротично. Особенно с присосками... Слушай, ну и фантазии у тебя, а еще монахи!..

– Это у тебя фантазии! – обиделся Тимофей. – Я у тебя совета прошу. И мнения. А не пошлых шуток.

– Хорошо, – Андрей попытался сделать серьезное лицо, но удалось это не сразу. – В общем, у нас, у нормальных людей, есть такое понятие – охота. Мужчины охотятся на женщин, женщины – на мужчин. Как и в любой азартной игре, в охоте все средства хороши. Ты бы знал, как моя меня поймала! Расскажу потом. До инопланетянки с щупальцами в интимном месте, конечно, не дотягивает, но тоже... Ладно, ладно, молчу! Так вот, когда идет охота, то все средства хороши. Мое мнение, тебе попалась девушка с фантазией. Понравился ты ей, вот она...

– Ну, знаешь, я хоть и не специалист по мирским делам, но, согласишься, это очень сомнительный способ «охоты». В конце концов, проще признаться в любви, ну или как там, обычно, в классической литературе...

– Ну да, «в классической литературе». Ты же сам на первом свидании...

– На исповеди!

– Я и говорю, на первом свидании! Ты же ей четко сказал – никаких жен. Вот она...

– Все равно не сходится, – задумчиво пробормотал Тимофей. – Хорошо, значит, твое мнение – она фантазирует?

– Ну да, – кивнул Андрей. – Впрочем, даже если предположить, что эта твоя девушка на самом деле инопланетянка, что это меняет?

– Но ведь тогда она знает мое предназначение быть ее мужем, а не слугой Бога.

– А вот это – точно чушь. Даже если она и с другой планеты. Так что не морочь себе голову. Если собрался принимать постриг, то и забей на всех женщин. Что земных, что со щупальцами!

– Ты прав... Я так и скажу сегодня...

– Оп-па! Вы встречаетесь? Попал ты, Тимка, вот что я тебе скажу...

– Да это предпоследний раз. Просто у нас договор был, что мы встретимся ровно три раза. И если после третьей встречи я не соглашусь жениться, то она навсегда исчезнет из моей жизни...

– Ой, как все запущено... – притворно вздохнул Андрей. – Но две встречи потерпишь же?

– Думаю, да, – кивнул Тимофей. – Что она может придумать еще? Ты меня успокоил.

– Рад, хотя дело тут не в том, что она говорит. Как бы тебе объяснить...

– Мне пора, – перебил Тимофей. – Уже опаздываю, не красиво... У нас как раз сейчас встреча, я вот решил посовето-

ваться...

– Ну, беги. И будь осторожен! – кивнул Андрей. – Мне тоже на работу пора... Счастливо, не теряйся.

– Не буду...

Андрей посмотрел вслед уходящему другу и про себя договорил: «Дело совсем не в словах, Тимка. Совсем не важно, что будет говорить твоя инопланетянка. Мысли, стоящие за словами, обмен взглядами, улыбки и движения, звук женского голоса, интонации... Вот что важно. А ты же будешь пытаться следить за смыслом, не понимая, что смысл – просто отвлекает твой разум, оставляя беззащитным ум, который скоро будет вертеться только вокруг... вокруг... неземного создания, как ты скоро будешь называть свою инопланетянку...»

* * *

Тимофей торопился. Еще издалека заметил сидящую на скамейке девушку и замедлил шаг, чтобы отдышаться и подойти спокойно, извиниться за опоздание и выстроить непробиваемую стену для любых аргументов. Тимофей приближался к цели и смотрел на «инопланетянку». В голове промелькнул вопрос Андрея: «Симпатичная хоть?» И молодой священник ответил про себя: «Нет, не симпатичная, а очень красивая, словно, действительно, с другой планеты...»

– Добрый день, Мария, простите за...

– Ничего, – девушка спокойно улыбнулась. – Я вдруг поймала себя на ощущении, что мне приятно и даже как-то радостно вас ждать. Очень странно. Ожидание волнительнейшей самой встречи! – Она звонко рассмеялась.

Тимофей смущенно откашлялся.

– Я подумал над вашими словами, – начал он, стараясь говорить холодно. – И допускаю, что это правда. Но это ничего не меняет. Да, вы с другой планеты и, допустим, знаете гораздо больше людей. В том числе и о предназначении. Но Бог выше всех. Именно поэтому Он Бог! И для нас, и для вас. Я хочу отдать себя служению Ему. И это выше любого предназначения. Потому что именно служение Богу и есть высшее предназначение!..

– Понимаю, – тихо сказала Мария и опустила голову. – Тогда мне придется рассказать больше. Простите меня, милый Тимофей, но я сказала неправду в первую нашу встречу. Вернее, правду, но не до конца... На самом деле не только я из другой, более высокой реальности, но и все женщины на Земле. Мы все инопланетянки, Тимофей...

– В каком смысле? – спросил молодой священник, стараясь разглядеть в глазах Марии насмешку, иронию или хотя бы сумасшедшинку. Ничего подобного. Серьезное лицо, красивые глаза...

– Этот мир не единственный. Есть реальность, где нет ограничений. У вас здесь на Земле много ограничений, из-

за чего кажется, будто в чем-то есть смысл. По крайней мере, в преодолении этих ограничений. Физические законы, биологические, социальные, психологические... Столько всего! Но мы – существа из высшей реальности, где возможно все. И нет никаких ограничений в желаниях, познании... Ни в чем! Мы можем все, но следствие – отсутствие желаний. Мы знаем все, но от этого лишь тоска. Потому что существование бессмысленно. Когда-то мы были людьми – мужчинами; и достигли надмирного существования без ограничений. Но наградой нам была скука, бессмысленность и тоска... И тогда мы стали спускаться обратно на Землю. В облике женщин. Пустых созданий, лишенных смысла. Для чего? Чтобы вы, мужчины, дали нам его! Хоть какой-то смысл после бессмысленной вечности. Мы пусты и принимаем в себя любой смысл, который вы нам дадите. Это проявляется во всем, неужели вы не замечали, Тимофей?! Вы, земляне, преодолевая свои многочисленные ограничения, к чему-то стремитесь. Стать богатым, знаменитым... Стать великим писателем, спортсменом, художником или артистом... Но за каждым великим мужчиной стоит женщина! Да-да! Стоим мы, инопланетяне, потому что мужчина, с которым мы рядом, делает наше существование осмысленным. Пусть ненадолго, но даже это – радость бытия на фоне тоскливой вечности. И когда мы находимся рядом с жителем Земли, верящим в какой бы то ни было смысл, мы удаляем иллюзорные препятствия на его пути. Именно поэтому он достига-

ет любой поставленной цели. А мы обретаем давно потерянный смысл... Подумайте, Тимофей, поглядите вокруг, и вы увидите, что это истина. Ведь этот закон проявляется даже на уровне тел. Пусть символически, но проявляется...

– В каком смысле? – Тимофей ошарашено смотрел на Марию и пытался переварить услышанное.

– У женщин даже на физическом плане внутри пусто. И эта пустота ждет мужского семени, чтобы превратиться в плод. Ребенок – это тоже смысл, которым нас наделяют мужчины. И даже сам акт любви... Не смущайтесь, прошу вас. Я просто хочу, чтобы вы поняли. Сам акт любви – это тоже наделение смыслом. Ведь у нас даже нет... там... ничего. Только у мужчин что-то реальное, а у нас – пустота для принятия этого реального. По сути там что-то появляется, только когда входит смысл. Пустота наполняется и перестает быть таковой, обретая новое качество блаженства...

– Прошу вас, я бы не хотел на эту тему... – Тимофей покраснел, словно рак.

– Хорошо, – спокойно кивнула Мария. – Тогда я опущу подробности, думаю, вы сами выстроите нужные аналогии... Я знаю, что вам уже пора, поэтому перейду к самому главному. Вы говорите, что высшее предназначение – это служение Богу. Но я знаю, что Бога нет. Этот мир – просто одна большая бессмысленность. И я говорю это как существо из другой реальности, которому было доступно все. Предназначение мужчины только одно – наделение смыслом нас, так ска-

зять, женщин. Для этого вы существуете. Да, большинство из вас бесполезны, потому что смысл у вас слишком уж маленький. Жалкий и настолько примитивный, что... Когда мы спускаемся на землю, то ищем мужчин с большим смыслом. Их мало, очень мало, за них мы сражаемся. Редкой женщине повезет найти мужчину с серьезным смыслом в жизни. Но если уж мы находим, то мужчина не может отказаться. Неужели вы, Тимофей, и этого не замечали? На Земле только женщины выбирают себе пару. Только так! Иногда кажется, что наоборот, но это всего лишь видимость. Я выбрала тебя, Тимофей. И теперь ты понимаешь, почему не можешь отказаться. Это твое подлинное предназначение – наделить меня смыслом!

– Подождите, – Тимофей пытался противостоять неожиданному напору. – Ваша раса... Или как сказать?.. В общем, как я понял, вам нужны не просто мужчины, а целеустремленные, нашедшие себя, стремящиеся к чему-либо и верящие, что в этом чем-то есть смысл. Но причем здесь я?.. Мне ничего не надо в этом мире...

– Ты стремишься к Богу, – твердо сказала Мария. – Стремись искренне, самозабвенно и безусловно. Ты готов ради Него оставить все. Этот мир, его удовольствия, ты готов...

– Подожди, подожди... – Тимофей тоже невольно перешел на «ты». – Но ведь ты только что сказала, что Бога нет. И, похоже, уверена в этом. Тогда...

– Причем здесь есть Бог или нет? – удивилась девушка. –

Похоже, ты не совсем понял то, о чем я говорила. Важно, что для тебя Бог – это цель и смысл. Я не собираюсь препятствовать твоему пути. Наоборот, когда я буду рядом с тобой, то твой Бог станет для меня смыслом и целью. Ты наделишь меня ими. Это единственное, что нам надо. Почувствовать смысл хоть в чем-то, хоть на одно воплощение. Наоборот, если ты потеряешь свой смысл, то я оставлю тебя, потому что снова стану ненаполненной пустотой, от которой мы все бежим. И буду искать другого мужчину, который бы наполнил меня. Но я знаю, что ты не отступишься. Я выбрала тебя, Тимофей! – девушка вдруг встала. – Тебе пора, иначе опоздаешь на вечернюю службу... А я уже хочу заботиться о твоём служении Богу. Через неделю мы снова встретимся здесь.

Она повернулась и пошла по аллее. Тимофей смотрел ей вслед. Красивая фигура, изящные, мягкие форму... Вдруг мелькнула совершенно неуместная мысль: «Быть может, разделять смыслом женщин действительно интересней, чем всю жизнь провести в монастыре?» Молодой священник отчаянно помотал головой, отвернулся, потом решительно встал и зашагал в церковь...

* * *

Неделя прошла в мучениях. Тимофей думал только о Марии, о том, что она рассказала и о том, что делать на третьей встрече. Состояние и рассеянность кандидата в монахи

не укрылась от настоятеля.

– Не пора ли тебе исповедоваться, сын мой, – мягко сказал он, словно ненароком подойдя к Тимофею после очередной службы. – Пойдем ко мне...

Молодой священник напрягся, но после отвлеченной доброжелательной беседы в келье настоятеля почувствовал, что хочет рассказать обо всем. И будь что будет!

– М-да... – настоятель задумчиво теребил седую бороду. Он слушал рассказ внимательно, не перебивая, пока в келью не вернулась тишина. Только тогда раздалось озадаченное «м-да». Тимофей снова напрягся, ожидая услышать жесткую отповедь и «объяснения» в духе: «Все это искушения дьявола!»

Настоятель долго молчал, его губы шевелились в безмолвной молитве. Наконец он сказал:

– Я думаю, тебе стоит согласиться...

– Что?!!

– Сделать вид, что согласен, – поправился настоятель. – Ты попал в странную историю, но, если смотреть со стороны, выход довольно прост. Кто она, твоя Маша? Либо влюбленная женщина с развитой фантазией, либо действительно сущность из мира духов, принявшая облик женщины. Во втором случае она оставит тебя сразу же, как ты согласишься...

– Почему?

– Подумай... – улыбнулся настоятель. – Она ищет муж-

чину, у которого есть смысл. Твой смысл жизни – служение Богу. Но если ты согласишься с тем, что предлагает она, ты косвенно признаешь, что Бога нет. А значит, предашь свой смысл, тем самым перестанешь быть интересным этой дьявольской... этой сущности.

– Кажется, понимаю! – Тимофей округлившимися глазами смотрел на настоятеля. – И она оставит меня, а я спокойно вернусь к своему служению!

– Да.

– А если она, как вы сказали, просто женщина с фантазией?

– Здесь сложнее, Тимофей. Если ты поставишь ловушку, о которой мы говорим, но она по-прежнему захочет быть с тобой. Независимо ни от чего. Не зависимо от смысла, и не зависимо от его отсутствия... То очень может быть, что она любит. Пусть как-то странно, но любит. А любовью не разбрасываются, Тимофей. Поверь, на этой грешной Земле так мало женщин, способных на любовь... Так вот, послушай меня внимательно, если ты встретился не с безумием, а с любовью, которая так причудливо трансформировалась, то уже от тебя зависит решение. Бог без условий или женская любовь? Готов ли ты навсегда отвернуться от мира, не ожидая ничего взамен? Ни ответа Бога, ни Его благосклонности, ибо Господь не всегда отвечает, даже когда мы отказываемся от всего ради Него... Или тебе нужна женская любовь, которая изначально – все та же любовь к Богу, ибо женщина

любит Бога через мужчину? И нет для нее другого способа. Подумай и иди к своей инопланетянке...

– Отче, скажите, как мне поступить, я приму, что бы вы ни сказали! – воскликнул Тимофей.

– Нет, – покачал головой старец. – Это как раз тот перекресток, где нет однозначно правильного выбора. Ты должен сам понять, куда шагнуть. Принять любовь женщины и отдать ее Богу – тоже служение Богу. И часто гораздо более тяжелое и опасное, чем запереться в монастыре. Ты должен сам выбрать, Тимофей. Иди! Молись, размышляй и выбирай!..

* * *

Тимофей шел на последнюю встречу. Вернее, он наделся, что на последнюю. А еще вернее: хотел надеяться, что на последнюю...

«Мне кажется, она действительно не человек, а сущность из мира духов, – размышлял молодой священник по дороге. – Поэтому сработает ловушка, которую составил мудрый настоятель. И наваждение в облике прекрасной девушки исчезнет. Можно будет вернуться в монастырь и наконец принять постриг...»

Тимофей тупо бубнил много раз пережеванные мысли, а сам думал о Маше. Большие глаза, грустная улыбка и темные волосы до пояса... Ее облик стоял в уме, не желая за-

меняться ни чем другим. Но вот пропал, тут же переместившись наружу...

Тимофей увидел его на скамейке. Сердце тревожно забилося, юноша невольно прибавил ходу, но вдруг остановился и словно пришел в себя. Решение возникло неожиданно и даже вопреки внешним обстоятельствам. Ведь, казалось бы, Маша рядом, и ум, который целую неделю думал только о ней, сейчас должен забыть обо всем!.. Но именно сейчас пришел ответ. Ясный и четкий. Настолько, что Тимофей был уверен – это Господь из сердца подсказывает правильный путь.

«Я не буду ставить ловушки, я не буду ничего придумывать. Нельзя обмануть искушение. Его можно только преодолеть. Открыто и прямодушно. Несмотря на трудности. И само усилие по преодолению очищает и избавляет от соблазна... Но как же совет настоятеля?.. Понял! Это тоже было испытанием! Откажусь ли я от Бога, пусть и на словах и как бы ради Него же самого?.. Или смогу выдержать и блюсти долг священника никогда не лгать...»

В голове Тимофея мелькнула картина, как он возвращается с ложной победой к настоятелю, рассказывает ему о том, что «я сделал, как вы сказали», а тот неодобрительно качает головой и грустно говорит: «Ты пока еще не готов...»

Маша, завидев молодого священника, встала и шагнула навстречу. Тимофей отбросил сомнения, глубоко вдохнул и решительно шагнул к девушке...

– ...Мария, я действительно очень хорошо обдумал все, что ты мне рассказала. Мое решение остается неизменным. Прости, но моя жизнь принадлежит Богу. И это – истина, даже если Бога нет.

Тимофей говорил долго, наконец решил, что ясно изложил свою позицию. И только тогда взглянул на девушку. Она сидела молча. Смотрела вниз и выводила носком туфли линии и дуги.

– Я пойду?... – так и не дождавшись ответа, спросил Тимофей. Он почувствовал, как в сердце опять зануло... Поспешно отвел взгляд и тоже уставился в землю. Хотелось убежать. Нет, хотелось обнять Марию и утешить, ведь она, несомненно, расстроена. И вот из-за этого желания и надо было убежать... – Я выполнил свое обещание. Мы встретились ровно три раза. Теперь ты должна выполнить свое...

– Да, конечно, я выполню, – тихо сказала девушка. – Но ведь наша встреча еще не закончилась... – Маша коснулась плеча Тимофея и, когда тот поднял голову, посмотрела прямо в глаза. – Я не хотела говорить больше того, что рассказала на нашем прошлом свидании. Но теперь придется. Прости, но в тот раз я сказала неправду. Вернее, не всю правду... Конечно, мне бы хотелось остановиться именно тогда, на том, что женщины – это инопланетяне, познавшие выс-

шее и от скуки вернувшиеся сюда за смыслом... Но истина, к сожалению, другая – это вы, мужчины, инопланетяне...

– Что?!

– Да, неужели ты не замечал?.. Женщины довольствуются этим миром. Хороший дом, деньги, престиж в обществе, семья, устроенный быт и дети... Любая женщина будет удовлетворена этим. И только мужчина всегда ищет что-то выше, что-то запредельное. Он не удовлетворен миром форм. Настоящий мужчина, разумеется. А не переродившаяся женщина.

– Переродившаяся?..

– Творчество, религии, самосознание... Все это придумали вы, мужчины. Почему?.. Потому что вам тесно в этом мире. Вы мечтаете о Родине, которую когда-то и зачем-то покинули. И те, кто вспоминают о Ней, возвращаются туда, когда спадает тело, порожденное этим миром... Но мы, женщины – не инопланетяне, мы – порождение этого мира. А значит, у нас нет возможности вспомнить высшую реальность, из которой пришли вы. А значит, мы обречены жить здесь. Жить перерождающимися пустышками, в которые вкладывается то один смысл, то другой. Но любой смысл, не выводящий за границы самого себя, – бессмыслица.

Тимофей незаметно ущипнул себя, убеждаясь, что не спит. Девушка, которая говорит подобные вещи – реально ли?..

– Любой смысл, не выводящий за пределы самого себя, –

бессмыслица, – повторила Мария. – Я не могу заставить принять себя. Но ты должен знать, что ты – мой единственный шанс. Я буду рядом с тобой всю жизнь, и я знаю, что в конце концов ты вернешься Домой и заберешь меня с собой. Я больше не хочу и не могу крутиться в этом бесконечном водовороте перерождений. Рождение, смерть, рождение, смерть... И без всякой надежды на освобождение. Неужели ты будешь так жесток, что лишишь меня этой надежды?..

В ее глазах вдруг засверкали слезы.

Внутри Тимофея гудела буря, но неожиданно улеглась.

– Не плачь, – сказал он, обнял девушку и отчетливо произнес: – Я обещаю любить тебя. Что бы ни случилось...

* * *

Маша уже третий час бегала между гардеробом и зеркалом. Готовилась к свадьбе.

«Все-таки мужчины – глупые создания, – весело размышляла она, примеряя десятые сережки. – Хотя, конечно, к каждому нужен свой подход... С моим Тимошей было особенно трудно, но когда на кону обеспеченная жизнь – стоит потрудиться...»

История началась давно, еще в школе, когда Маша с лучшей подругой поспорили. Диана утверждала, что мужчины выбирают только тех, кого любят, а Маша уже тогда смеялась

над романтической подругой. Тогда и заключен был шуточный договор.

– Если у меня когда-нибудь будет много денег, я подарю тебе миллион в любой валюте, если ты сможешь охомутать любого, кого я тебе укажу! – воскликнула Диана.

– Принимается! – рассмеялась Маша.

А буквально через пару лет родители Дианы неожиданно разбогатели, притом совершенно безобразно разбогатели. И это разделило подруг. Диана уехала учиться в Англию, а Мария поступила на филфак, жила в общежитии и читала эзотерическую литературу, утешая себя словами «карма», «нирвана» и «жизнь трудна, но к счастью коротка». Хотя прекрасно понимала, что с большим удовольствием выкинула бы все эти книжки с бородатыми портретами на обложке, если бы... если бы... можно было рассчитывать на простое женское счастье! Любимый мужчина, семья, дом, стабильный доход и не слишком нудная работа...

А тут еще и учеба «неожиданно» закончилась. Пора подумать о будущем, а что это за будущее?.. Школьная «училка» с неясной личной жизнью и метанием по съемным квартирам?..

Вернулась Диана из Англии... Вот тогда все и произошло. Неловкая встреча переросла в веселую гулянку, а под конец Маша так разомлела, что в шутку вспомнила о старом уговоре.

– Я помню, – неожиданно серьезно сказала Диана. – И го-

това ответить за свои слова.

– Ты как твой папа стала говорить! – продолжала шутить Маша, но вдруг протрезвела: – Ты серьезно?

– Да, я недавно говорила об этом с родителями. Тоже в шутку, но отцу понравилось. Он даст миллион в любой валюте, если ты выйдешь замуж за того, кого я тебе укажу. Так, вроде, звучал уговор?..

– Да. И за кого?..

– А вот этого я пока не знаю. Не бойся, страшных бомжей искать тебе не собираюсь. Ты же мне подруга! Но задание легким не будет, обещаю.

– Надеюсь, принца Уэльского тоже не будешь заказывать?..

– Поглядим! – рассмеялась Диана.

Потом бывшая дружба потихоньку возродилась. Они стали чаще встречаться, хотя Маша по-прежнему чувствовала себя не слишком комфортно в тени успешной подруги. Об уговоре больше не вспоминали, но Маша чувствовала, что Диана не забыла... Да и ее папаше, скорее всего, действительно хотелось принять участие в новом развлечении.

А тут вдруг появилась мода на религию. Особенно среди «авторитетов». Диана покрестилась, стала носить крестик и называть себя христианкой. Маша над ней подшучивала.

– Все твои эзотерики – слуги дьявола! – беззлобно отвечала Диана и пыталась затащить подругу в церковь. И однажды – удалось. Они попали на проповедь молодого священ-

ника. Тот говорил с жаром, увлеченно...

– Какой симпатичный парень, – первым делом сказала Маша, едва выйдя из церкви. – Еще бы побрился, так хоть сейчас замуж!..

– Да?.. – как-то подозрительно тихо спросила Диана.

Сейчас Маша уже знала, что тогда Тимофей читал свою первую проповедь в качестве священника. Потом девушки зачастили в церковь, приходя едва не каждое воскресенье. А спустя пару месяцев Диана кивнула в сторону юноши:

– Ну что, потянешь?..

Маша засмеялась, вспомнив свое тогдашнее изумление. Хотя можно было давно догадаться, к чему идет.

И началось...

– Все-таки хорошо быть женщиной, – пробормотала Маша, подводя брови. – Нам очень легко поверить в то, что мы придумали. А вот мужчинам требуется придумывать то, во что они поверили. Или нет, не так: женщина легко верит в то, что говорит, а вот мужчине требуется сначала поверить, и только потом он сможет об этом говорить. Ведь я в каждую из наших трех встреч совершенно искренне верила в то, что говорила! Конечно, иначе бы Тимоша не попался... Ну да ладно, главное, теперь все будет хорошо...

* * *

Тимофей стоял на коленях перед иконой. В своей келье.

Именно здесь, сосредоточившись и соединившись с Родinou, Тимофей становился самим собой.

– Меня обнаружили, Господи! Я не знаю как и почему, но теперь я должен принять ее и отвести к Тебе. Что же, видно такова Твоя воля. Да, она не все поняла правильно. Она ошиблась в том, что мужчины на земле – это инопланетяне. Ведь нас, ангелов, очень немного. Все остальные, – и мужчины и женщины, – местные жители, бесконечно перевоплощающиеся, словно пузыри в бурлящей воде. Они не могут прийти к тебе, Господи, потому что пусты. А в твоём мире живут лишь те, кто полны. Полны любовью... Мы, Твои ангелы, спускаемся сюда, в мир, лишенный любви. Мы приносим то, чего здесь нет – проносим контрабандой. Мы приносим любовь...

И я тоже пришел, желая раздать любовь всем и каждому, но понял, что слаб. И что не могу, ведь за это могут распять. Ведь Твоя любовь никому здесь не нужна... Прийти сюда было моей ошибкой. Я – плохой контрабандист... И я решил, что исправлю ошибку, просто переждав жизнь, а потом вернусь к Тебе...

Но меня обнаружили. Так неожиданно!.. Теперь мой долг забрать эту несчастную с собой. Господи, я не знаю, получится ли у меня, хватит ли любви, которую я пронес, на двоих?.. Ведь, как оказалось, мое сердце такое маленькое. В нем поместилось всего несколько крупиц бесценного дара...

Господи, теперь я ухожу в мир... Позволь мне не забыть

Тебя! И позволь наполнить любовью ту, что нашла меня...
Позволь нам вернуться вместе...

февраль-май 2006 года

Свет тьмы

Среди непроходимых гор затерялась цветущая долина. Каждое утро солнце поднималось из-за края гор и освещало деревья и озера, реки и поляны... И каждый вечер оно садилось где-то в горах, унося с собой свет, чтобы дать его снова, на следующее утро...

Посреди прекрасной долины раскинулся большой город Аль-Зинж. Богатый и благополучный. Чего только в нем не было! Кто только в нем ни жил...

С утра до ночи шумел базар, на котором можно было купить все, что угодно, с утра до ночи не прекращался стук в мастерских, где умелые жители города делали всевозможные вещи, столь необходимые в труде и хозяйстве... С утра до ночи кипела жизнь в Аль-Зинже! Конечно, жители города не только трудились. Они умели и отдыхать. Гремели свадьбы, проносились праздники, люди ходили друг к другу в гости, делились новостями и слухами, обменивались подарками и закатывали пиры... Как хорошо было бы в Аль-Зинже, если бы не его проклятье!..

Где-то далеко в горах жила страшная темная ведьма по имени Мара!

Она часто прилетала в город и забирала одного из жителей к себе в пещеру. И каждый житель города Аль-Зинжа знал, что рано или поздно Мара прилетит за ним. И каждый

знал, что это обязательно произойдет, и что никто не сможет избежать лап Мары, и никто не одолеет темную ведьму!

Никто из жителей города точно не знал, что делает у себя в пещере Мара с пленниками, но никто, – никто! – не хотел встретиться с Марой. И страх, что в следующий раз ведьма прилетит за ним, отравлял жизнь всем обитателям города.

Страх страхом, но город не мог замереть. Каждый житель просто надеялся, что Мара прилетит еще не скоро. А если и прилетит, то не за ним. И город продолжал торговать, работать, отдыхать и радоваться, словно не было никакой темной ведьмы, словно не прилетала она на своих черных крыльях почти каждый день и каждую ночь...

В Аль-Зинже жила принцесса. Звали ее Нао-Ми. Она была самой прекрасной девушкой в городе. Ее красота сводила с ума всех неженатых мужчин в Аль-Зинже! И даже женатые потихоньку вздыхали и оставались в здравом рассудке только потому, что где-то рядом была законная супруга. Женихи наперебой ломались в дом к принцессе Нао-Ми. Среди них были и выдающиеся жители города. К Нао-Ми сватался самый богатый купец Аль-Зинжа по имени Гвоботаст, ее руки и сердца добивался великий герой, победитель всех битв, рыцарь Лавас, ее расположения добивался даже глава города, могущественный Вталас, по одному приказу которого сотни слуг готовы были исполнить любое желание принцессы. И даже великий Ниеназ, самый мудрый человек города, предлагал Нао-Ми стать его женой! Принцессе нрави-

лись богатства Гвоботаста. Ведь любая девушка знает, что за деньги можно купить почти все. Принцессу влекло к Лавасу, чье имя не переставая гремело по всему городу. Нао-Ми немного боялась Вталаса, но хотела оказаться под его защитой и под защитой его слуг. И Ниеназ тоже был по-своему привлекателен. Ведь у него единственного было то, что не купишь за деньги...

Принцесса выбирала.

– Как жаль, что нет человека, который был бы богат, как Гвоботаст, известен, как Лавас, могущественен, как Вталас и учен, как Ниеназ! Как бы я хотела отдать руку и сердце именно ему! Но таких людей не бывает, и я должна выбрать из этих четырех, очень достойных женихов...

А еще в городе жил юноша по имени Но-Вear. У него не было ни богатства, ни славы, ни власти, не было и особых знаний. Он просто любил Нао-Ми. А однажды даже осмелился признаться девушке в любви, но она лишь улыбнулась, словно шутке, и отвернулась, продолжая шептать про себя:

– Гвоботаст? Или Лавас? А может Вталас? Или все-таки Ниеназ?

Но-Вear грустно улыбнулся в ответ и пошел прочь. Он все понимал:

– Кто я такой, чтобы на равных соревноваться с такими горожанами, как Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ? Они предлагают то, что действительно важно и ценно для девушки. Ведь ей еще долго жить в Аль-Зинже. А я предложил

всего лишь любовь. Разве может это невесомое и неосязаемое чувство быть важнее золота Гвоботаста, имени Лаваса, могущества Вталаса и мудрости Ниеназа?..

Юноша смотрел со стороны, как четверо достойных жителя города наперебой предлагают свои дары прекрасной принцессе...

И вот пришло время, когда она должна была сделать выбор. В честь этого события в Аль-Зинже объявили праздник. Все горожане надели лучшие костюмы, а горожанки – лучшие платья. На городской площади яблоку не где было упасть! В центре, на роскошном помосте, прямо перед дворцом принцессы стояли четверо женихов. Разодетые и уверенные, что именно его сегодня выберет прекрасная принцесса. Они свысока поглядывали на толпу и с ревностью друг на друга.

Но-Веар тоже был на площади. Но не для того, чтобы претендовать на руку Нао-Ми. Кто осмелится соревноваться с такими достойными кандидатами, как Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ?..

Но-Веар просто еще раз хотел увидеть свою любимую...

И вот прекрасная принцесса вышла на балкон. Все ахнули, и площадь онемела. В белом свадебном платье Нао-Ми была похожа на богиню! Женихи открыли рот и долго не могли прийти в себя. Первым оправился Ниеназ. Он закрыл рот рукой и тихо спросил:

– Так кого же ты выбрала, прекрасная принцесса?

Тут же очнулись и другие женихи.

– Да, кого? – сохраняя достоинство спросил Вталас.

– Кого?.. – как эхо, откликнулись Лавас и Гвоботаст.

Принцесса еще раз оглядела женихов, еще раз вспомнила, что предлагает ей каждый из них...

Все жители города затаив дыхание ждали решения принцессы. И только Но-Веар не ждал. Он смотрел на свою Нао-Ми, и в сердце его тихо пела грустная радость. Ведь скоро его любимая обретет то, что желает...

Нао-Ми в последний раз все взвесила, подняла руку с белоснежным, как снег в горах, платком и сказала:

– Я выбираю...

Но вдруг небо на мгновение потемнело, а потом по площади пронеслась черная тень!..

– Это Мара! – крикнул кто-то. И в тот же миг площадь окаменела. Люди, парализованные страхом, застыли в той позе, в какой их застал крик. И в глазах каждого читался только ужас и один немой вопрос: «За кем?..»

И вот над площадью повисла сама темная ведьма. Она была, как кусок беззвездной ночи на фоне дня. Лишь на секунду Мара зависла над площадью, а потом медленно поплыла к Нао-Ми...

И вздох облегчения пронесся по площади. А потом вздох грусти. И весь ужас теперь собрался только в одном месте – в глазах прекрасной принцессы...

Платок упал из ее бессильной руки, она беспомощно огля-

нулась, ища защиты. А Мара уже схватила ее за плечи, готовясь унести к себе в горы.

– Гвоботаст! – закричала Нао-Ми. – Спаси меня! Откупись от Мары своим богатством! Выкупи меня!

И достойный Гвоботаст, преодолевая страх, крикнул темной ведьме:

– Отдай мне Нао-Ми за тысячу золотых монет! Нет, я дам тебе десять, сто тысяч золотых монет!

Но Мара только расхохоталась в ответ. И мрак, схвативший принцессу заколыхался от смеха.

– Что ты предлагаешь, ничтожный купечишко? Хочешь, я завтра приду к тебе? И ты будешь молить меня принять все свое имущество! До последней монетки, до последней нитки! Если бы мне нужны были золотые монеты, я имела бы их все! Мне не нужны деньги!..

– Лавас! Спаси меня! Ведь ты победил в стольких битвах! Отбей меня у Мары! – закричала тогда Нао-Ми.

И Лавас, чтобы не посрамить свое имя, сказал:

– Мара! Сразись со мной!

И еще громче захохотала темная ведьма.

– Что ты можешь?! Стоит мне только захотеть и весь ваш город исчезнет с лица земли!

– Вталас! – в отчаянии закричала Нао-Ми. – Останови Мару!..

– Слуги, взять ее! – закричал Вталас, но только громкий хохот ведьмы был ответом на его слова.

– Я не в твоей власти, ничтожество! – сказала Мара. – Посмотри на своих слуг. Как они сжались, как они пытаются забиться подальше, чтобы не слышать и не видеть меня. Хочешь, я прикажу, и они собственными руками разорвут тебя?..

– Ниеназ! – с последней надеждой в глазах обернулась Нао-Ми к великому ученому. – Ты все знаешь, спаси меня!..

– Мудрый знает, что Мара непобедима, – тихо ответил Ниеназ. – Никому не избежать ее темных лап. Я не могу спасти тебя...

– Тогда какой смысл в твоих знаниях и твоей мудрости! – с горечью и отчаянием сказала Нао-Ми, и Ниеназ опустил глаза.

И тогда Мара схватила принцессу и с хохотом понеслась прочь из города...

* * *

И когда стих далеко в горах ее страшный голос, над площадью снова повисла тишина. Но уже не радостная, в предвкушении торжеств, а траурная.

Люди стали потихоньку расходиться, а неудачливые женихи слезать с помоста.

– Куда же вы?! – вдруг закричал Но-Веар и выскочил на середину площади. – Неужели никто из вас не попытается спасти свою возлюбленную?!

– Возлюбленную? – удивленно спросил Гвоботаст.

– Кого, кого спасти? – переспросили Лавас и Вталас.

– Это невозможно, – ответил более догадливый Ниеназ. –

Мара никого не выпускает из своих лап. Если Мара выбрала кого-то, то никто и ничто не сможет спасти его...

– И что же вы теперь будете делать? – не понял Но-Веар.

– Как что? – опять удивился Гвоботаст. – Искать другую невесту!

– Конечно, а что же еще? – подтвердили Лавас и Вталас.

– Жизнь продолжается... – философски закончил Ниеназ.

Люди молча расходились. Они не глядели на Но-Веара.

Ведь они знали, что он любил Нао-Ми. Вскоре юноша остался один. Посреди большой площади. Он долго стоял. Смотрел на синее, безоблачное небо, смотрел на вершины гор...

– Где-то там сейчас моя возлюбленная! – подумал он. –

Где-то там моя Нао-Ми...

И сердце юноши сжалось, а потом он удивленно сказал:

– А почему же я здесь?!!

И Но-Веар решительно направился в дом Ниеназа. Смело распахнул дверь и, высоко подняв голову, остановился перед хозяином.

– Расскажите мне о Маре! – сказал он. – Расскажи всё!

Где она живет и что делает с пленниками?..

– Никто не знает, где живет темная ведьма... – спокойно ответил ученый. – Говорят, где-то далеко в горах. И никто не знает, что происходит с пленниками...

– Так что же знает ваша наука?! – с горечью, словно вторя кому-то, спросил Но-Веар.

Ниеназ сел в кресло и спокойно продолжил.

– Говорят, у Мары где-то в горах есть пещера, которую одни называют Сортаст, а другие Бленоз. Говорят также, что какое-то время Мара держит пленников в этой пещере. А что происходит с ними потом, наверняка никто не знает. Вероятно, она, когда приходит время, просто их поглощает, как ночь поглощает день...

Ниеназ замолчал.

– А зачем тебе это знать? – вдруг спохватился он.

– Я хочу найти мою Нао-Ми! – сказал Но-Веар.

– Зачем? – удивился Ниеназ. – Ты ей ничем не сможешь, даже если найдешь. Никто и никогда не вырывался из лап Мары! Неужели ты даже этого не знаешь?

– Знаю, – сказал Но-Веар. – Но я все равно найду мою Нао-Ми...

– Зачем? – повторил свой вопрос Ниеназ.

– Я хочу быть рядом с ней, когда придет Мара... Я хочу быть рядом с любимой, когда ведьма поглотит ее!

– Ты ничего не сможешь сделать! – громко сказал Ниеназ.

– Я знаю! – выкрикнул Но-Веар. – Но я буду рядом!

– Ты сумасшедший! – закричал Ниеназ.

– Я знаю... – тихо повторил Но-Веар, а потом медленно повернулся, вышел из дома ученого и пошел прочь из города.

Юноша вышел за пределы города и пошел по долине, которая раскинулась вокруг Аль-Зинжа. Он вдыхал ароматный воздух, зная, что скоро ему придется дышать только холодным разреженным воздухом гор. Он торжественно ступал по мягкой траве, зная, что вскоре под его ногами будут лишь острые камни...

Он не думал, что будет делать в горах. Может быть, замерзнет, а может быть, Мара прилетит за ним и отнесет в свою пещеру, где они встретятся с Нао-Ми...

– Лишь бы у ведьмы была одна пещера... – прошептал Но-Веар, когда вступил на голые камни. Теперь ему предстоял долгий и тяжелый путь. Но юноша не боялся. Он теперь не боялся ничего. Ни таинственных гор, ни злобной Мары. Ведь он знал, что где-то в одиночестве и страхе перед неизвестным страдает его любимая!

Но-Веар решительно рванулся вверх.

– Я найду тебя! – крикнул он безмолвным вершинам. – И мы будем вместе!.. Ты не одинока, Нао-Ми! Я иду к тебе...

И орлы закружились в вышине...

Он долго карабкался по горам. Пологие подъемы сменялись крутыми, а крутые вдруг обрывались ущельями... Но-Веар ободрал кожу на руках и ногах, он задыхался из-за разреженного воздуха, но не переставал идти... спотыкаться... ползти... Иногда силы покидали его, и Но-Веар забывался где-нибудь среди камней, но вскоре холод пробирал юношу до костей. Тогда Но-Веар поднимался и шел дальше, дальше, дальше!..

Он не следил за временем. Иногда солнце заходило, и Но-Веар сжимался в маленький комок, чтобы сохранить хоть немного тепла и не превратиться в камень, подобный тем, что валялись повсюду. А потом солнце всходило, и Но-Веар снова отправлялся в путь, к полудню изнемогая от его жестких лучей... Но-Веар не знал, сколько раз солнце заходило и всходило. Он просто шел. И вот однажды он увидел на самой вершине высокой горы вход в пещеру...

Сердце юноши тревожно забилося.

– Это пещера Мары! – сказал он уверенно и, несмотря на почти отвесные скалы, пополз вверх.

Он хватался за каждый выступ. Руками, ногами, зубами!.. Камни равнодушно рвали его одежду, его кожу... Но-Веар ничего не замечал. Перед его глазами был только последний уступ, тот, что на самом верху, у входа. Последний взмах ру-

кой, и юноша сел на краю, глядя в темноту пещеры...

* * *

– Кто там? – раздался из глубины пещеры слабый, дрожащий от страха голос.

– Это я, Но-Веар... – как можно спокойнее ответил юноша, хотя его сердце билось так, словно хотело разорвать грудь.

Он шагнул в пещеру и через несколько секунд, когда глаза привыкли к полумраку, увидел Нао-Ми. Девушка сидела в углу пещеры, обхватив колени руками и дрожа. В ее широко раскрытых глазах застыл невыразимый словами ужас.

– Ты не Мара? – прошептала Нао-Ми, увидев на фоне светлого входа силуэт юноши.

– Нет... – Но-Веар ласково улыбнулся и тихо подошел к Нао-Ми.

Вздых облегчения вырвался у принцессы. Ужас пропал из ее глаз, остался только страх.

– А я думала, что пришло мое время... – сказала Нао-Ми. Но-Веар присел рядом с девушкой.

– Кто ты? – снова спросила она.

– Меня зовут Но-Веар, – повторил юноша. – Я пришел к тебе из Аль-Зинжа...

– Аль-Зинж... – тихо сказала Нао-Ми. – Когда-то я тоже там жила. Кажется, что с тех пор прошла вечность, и моя

жизнь в городе теперь кажется чем-то нереальным, словно ее никогда и не было, а я всегда сидела в этой пещере и дрожала от страха в ожидании Мары...

Нао-Ми внимательно посмотрела на юношу и вдруг улыбнулась. Неловко, неумело, словно никогда раньше этого не делала.

– А я помню тебя! – сказала Нао-Ми. – Когда-то давным-давно ты тоже был моим женихом...

– Это было всего лишь несколько дней тому назад, – сказал Но-Веар.

– Да? – удивленно спросила Нао-Ми. – Так странно... Да, я что-то вспоминаю. У меня было четыре жениха... Как их звали? Ах, да! Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ... Каждый из них предлагал мне что-то... – Нао-Ми вдруг грустно рассмееялась, а на ее глазах засверкали слезы. – Каждый из них предлагал мне что-то... Сейчас я даже не слишком хорошо помню что... Что-то жалкое... С высоты этой горы, из этой пещеры все кажется таким жалким!..

Принцесса положила руки на колени, а голову на руки. Она смотрела на вход в пещеру, и слезы катились из ее глаз.

– А ты? Ты ведь тоже мне что-то предлагал? – вдруг спросила Нао-Ми. – Я не помню... Что?..

– Любовь... – просто сказал Но-Веар.

– Любовь? – переспросила Нао-Ми. – А что это такое?

– Я не знаю... – пожал плечами Но-Веар и улыбнулся. – Но это то, что привело меня сюда...

– Да?! – принцесса встрепенулась. – Я так удивилась тому, что вместо Мары пришел ты, что забыла спросить... Я забыла спросить: зачем ты пришел? Разве ты не знаешь, что Мара никого не выпускает из своих лап? Когда она принесла меня сюда, то сказала, что вернется и поглотит меня, когда придет мое время. С тех пор я только жду, жду, жду... И страх непрерывно сжимает мое сердце... Неужели ты не знаешь, что от Мары невозможно спастись?..

– Знаю, – кивнул Но-Веар. – Я пришел просто чтобы быть рядом с тобой, когда придет Мара. Чтобы тебе не было одиноко, чтобы ты не боялась. Просто чтобы быть рядом...

– Это и называется любовью? – спросила Нао-Ми. Ее глаза были широко раскрыты, но страх из них куда-то пропал.

– Наверное, – снова пожал плечами Но-Веар.

– Тогда почему там, в Аль-Зинже, ты не объяснил мне, что за дар предлагаешь?! Если бы я знала, то неужели бы хоть секунду сомневалась?! По сравнению с твоим даром то, что предлагали Гвоботаст, Лавас, Вталас и Ниеназ – никому не нужный мусор!

– Но в городе тебе не нужна была любовь. В Аль-Зинже гораздо важнее богатство, слава, власть и знания...

– Как может быть важнее то, что не спасет тебя от одиночества и страха?! – искренне изумилась принцесса.

– В городе ты даже не обратила внимания на мой дар... – ответил Но-Веар.

– Ты должен был дать его силой! – закричала принцесса. –

Ведь ты знал, что предлагаешь!

– Любовь не приемлет насилия, – спокойно сказал Но-Веар. – Любовь просто ждет, чтобы ее выбрали. Она не претендует ни на что. И она никогда не упрекнет нас за наш выбор... И я был бы рад за тебя, кого бы ты ни выбрала тогда, на городской площади... – Но-Веар неловко улыбнулся. – Прости за бессмысленное сейчас любопытство, но... мне очень интересно: кого ты все-таки выбрала тогда?

– Кого?.. – словно эхо, переспросила Нао-Ми.

– Да, кого? Ты не успела сказать, потому что... Так кого? Гвоботаста? Лаваса? Вталаса? Ниеназа?

– Я не помню... – ответила Нао-Ми. – Но зато я сейчас поняла одну вещь: кого бы я ни выбрала тогда, мой выбор носил бы только одно имя – Мара!.. Рано или поздно она бы пришла за мной, с кем бы из них я не была...

В пещере вдруг стало темнеть.

– Что это? – спросил Но-Веар.

– Не бойся, это просто солнце заходит... – улыбнулась Нао-Ми.

– А ты очень смелая! – улыбнулся в ответ Но-Веар.

– Нет, просто я уже давно здесь... Скоро станет совсем темно и холодно... – Нао-Ми уже не могла разглядеть юношу, а он почти не видел ее. – Наверное, Мара – это как ночь. Просто становится темно и холодно. Навсегда...

Но-Веар почувствовал, как девушка задрожала. Он подсел совсем близко и взял ее за руку. Через минуту солнце

село, и пещеру заполнила непроглядная тьма.

– Разве ты не знаешь, что у любой ночи есть звезды? – спросил Но-Веар и погладил дрожащую руку девушки. – Пойдем...

– Куда?! – испуганно откликнулась Нао-Ми.

– Пойдем... – повторил Но-Веар и встал, потянув принцессу за собой. Он на ощупь пробрался к выходу из пещеры. Они вышли на уступ. – Смотри!..

Нао-Ми подняла взгляд. Все небо было усыпано яркими звездами.

– Как красиво... – сказала принцесса. – В пещере я не видела их. Я просто сидела и дрожала, стараясь хоть немножко согреться и не кричать от страха...

– Да, становится холодно, – сказал Но-Веар. – Давай, я согрею тебя!

Они сели на камень у входа в пещеру, и юноша крепко обнял Нао-Ми. Они грели друг друга и смотрели на звездное небо.

– Мара очень похожа на темное ночное небо, – вдруг сказала Нао-Ми. – Только без звезд. Днем она похожа на кусок непроглядного мрака. И днем она очень страшная. Потому что мрак очень пугает, когда вокруг – яркое синее небо и солнце...

– Что она сказала тебе? – спросил Но-Веар.

– Что мне надо будет войти в нее... когда придет мое время...

– Ты боишься?

– Сейчас почти не боюсь. Еще недавно ужас сковывал меня, словно свинец... Да, словно в меня залили расплавленный свинец, и он постепенно застывает, сковывая меня... Я не чувствовала холода, я не чувствовала твердых камней и боли от затекших ног и рук. Я чувствовала только всепоглощающий ужас! Но пришел ты и принес то, что уничтожает страх... Как я собиралась жить без любви там, в Аль-Зинже?! А ведь я могла бы так и не узнать, что это такое! Может быть, ее там почти и нет?

– Есть. И она всегда терпеливо ждет, чтобы мы ее выбрали. Просто в городе она кажется ненужной, и мы выбираем что-то другое...

– Теперь я совсем не боюсь Мары, я благодарна ей! – горячо сказала Нао-Ми и крепче прижалась к Но-Веару. – Если бы не она, я бы никогда не встретилась с тобой. И ты бы не принес мне своего дара...

– Ты приняла его? – спросил Но-Веар.

– Да, – ответила Нао-Ми. – Еще недавно в моем сердце были только одиночество и страх. Сейчас их нет. А ведь они – очень могучие воины... Их никто не может прогнать, кроме... любви. Значит, в моем сердце сейчас только любовь. Я приняла твой дар...

– А сможешь ли ты теперь давать любовь? – Но-Веар смотрел в глаза любимой девушки, в которых светилось что-то глубокое и яркое, совсем не похожее на простое отражение

звезд.

– Наверное... – Нао-Ми вдруг задумалась. – Знаешь, я подумала, что там, в городе, вся наша жизнь – это попытка избавиться от этих двух врагов в сердце: от страха и одиночества. И мы предаемся другим могучим воинам... Они кажутся нам могучими. Там, в городе... Мы нанимаем богатство, но оно вскоре становится верным союзником страха, мы бросаемся к славе, но она становится лучшим другом одиночества, мы бежим к власти, но она тут же падет ниц перед страхом и становится его верным слугой... Тогда мы обращаемся к знанию. Это самый могущественный воин. Он может победить даже страх! Но знание говорит, что мы вечно одиноки... Так эти два могучих воина, одиночество и страх, побеждают всех наших наемников, становясь лишь сильнее...

– Да, только любовь побеждает этих двух непобедимых воинов... – откликнулся Но-Веар. – В сердце не остается и следа от страха и одиночества, когда туда входит любовь... Но сможешь ли ты теперь давать ее?.. – повторил свой вопрос юноша. – Это очень важно. Ведь тот, кто не дает любовь, теряет ее! Можно брать богатства и не делиться ими, можно захватить власть и накопить знания, но нельзя получить любовь и не давать ее другим...

– Но я люблю тебя! – воскликнула Нао-Ми.

– Ты возвращаешь мне любовь, которую я тебе дал, – возразил Но-Веар. – Это хорошо, ведь большинство людей не способны даже на это... Это хорошо, но этого не доста-

точно для того, чтобы любовь осталась в сердце...

– Я понимаю... – Нао-Ми грустно посмотрела в даль. – Сейчас во мне все поет. Ты обнимаешь меня и кажется, что я готова полюбить все вокруг! Эти звезды и скалы, эту пещеру и горных орлов, спящих в своих гнездах... Всех! Сейчас я готова дарить любовь каждому! Просто, кроме тебя, здесь никого нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.